

◆ Открывая театральный сезон

В ПОИСКЕ

Красноярский театр юного зрителя имени Ленинского комсомола открывает очередной сезон.

Как уже сообщалось, коллектив недавно возвратился из гастрольной поездки в Ленинград. Творчество наших земляков получило высокую оценку театральной общественности и зрителей города на Неве. Сегодня, на старте нового сезона, с обзором творческой деятельности театра выступает ленинградский критик Е. С. Аб.

Красноярский ТЮЗ переменчив. Возможно, его землякам это не бросается в глаза. Ленинградцам же, которые смотрят спектакли красноярского театра с интервалами в два-три года, эти изменения хорошо заметны.

Первое, самое общее представление о любом незнакомом театре получаешь уже при беглом взгляде на его афишу. В Красноярском ТЮЗе она всегда содержательна и серьезна. Вспоминаю гастроль семидесятого года: «Фрол Скобеев», «Троил и Крессида», «Ябеда», «Республика на колесах» — названия не просто редкие, но в нашей театральной практике вообще уникальные. Два года спустя: «Кража», «451° по Фаренгейту», «Гамлет», «Плутни Скапена». В этом году — «Орфей», «Дерзость», «Ромео, Джульетта и тьма», «Женитьба», «Тартюф». Дело, разумеется, не только в новизне. Решают в конечном счете не отдельные названия, а их совокупность, соединение в одной афише, то, что называют текущим репертуаром. А репертуар — это всегда политика. Политика театра, стремящегося завоевать зрителя, сделать его своим.

Все гастрольные афиши Красноярского ТЮЗа свидетельствуют о вкусе к серьезной и значительной драматургии. Здесь в разное время ставились Шекспир и Мольер, Гоголь и Капнист, Погодин и Мамонтов, Астафьев и Тендряков, Вампилов и Алексин. Репертуар театра обращен к зрителю. Зритель же — молодой и юный — ищет в своем театре многого. Не только ответов на «вечные» вопросы. Он хочет видеть себя, своего ровесника — современника или даже человека иных веков, но непременно молодого. У театра, чья труппа состоит из актеров по преимуществу молодых, шансов на зрительское доверие больше. Доверие трудно завоевать, а, завоевав, нужно и умело использовать. Социально-интеллектуальный опыт у театра, разумеется, богаче, чем у его зрителей. Своей прямой ролью воспитателя Красноярский ТЮЗ не пренебрегал никогда — ни в прежние годы, ни сейчас. И в этом своем постоянном качестве он остается организмом живым и дееспособным.

Видимо, не только дефи-

цитом оригинальной современной драматургии можно объяснить то обстоятельство, что в поисках литературного материала молодежный театр неоднократно обращается к прозе. Вывести на сцену героев книг, уже привлечших к себе общественное внимание, — всегда необыкновенно заманчиво, но и не менее ответственно. «Кража» В. Астафьева, «Весенние перевертыши» В. Тендрякова, «В списках не значился» В. Васильева (в авторской инсценировке), «451° по Фаренгейту» Р. Бредбери, «Ромео, Джульетта и тьма» Я. Отчашека — именно эти спектакли оказываются среди самых программных. Детские книжки «Волшебник Изумрудного города» и «Мэри Поппинс» также ожили на сцене, заиграли яркими красками веселых и праздничных представлений.

Зритель с годами меняется. Не просто становится старше. Сегодняшние молодые и юные, заподняющие зал, отличаются от своих ровесников, приходивших в театр десять и даже пять лет назад. Слушать пульс зрительного зала — значит искать. Поиск не всегда, разумеется, приводит к находкам. Но сам процесс, стремление искать новые формы, новые интонации общения со зрителем важны необычайно.

Спектакли текущего репертуара поставлены главным режиссером Александром Поповым, режиссерами Юрием Копыловым, Борисом Цейтлиным и Анатолием Ериным. Каждый из них предшественников создавал свой театр. Театр как средство общения со своим зрителем, театр-диалог. Об этом, вероятно, думали И. Штокбау и Г. Оporков — первые строители театра. Юрий Мочалов искал контакты с молодым зрителем в повышенной театральности, зрелищности, в стремительных темпах и иронии. Мощная стихия театрального озорства и праздничности определяла на время тон диалога «театр — зритель».

К. Гинкас и Г. Яновская уже видели перед собой новый театр и нового зрителя: спектакли тех лет содержали серьезные размышления о жизненных сложностях, о трудной и непреклонной борьбе за человеческую душу.

Сейчас сценический язык стал спокойнее. В отдельных

случаях это спокойствие не может не вызывать опасений. Естественная, неподчеркнутая театральность, делаясь навязчивой, грозит перейти в свою противоположность. Мне такая «естественность» показалась неестественной в «Дерзости». Чересчур спокойный, с повышенной заботой о бытовой достоверности тон спектакля помешал реализовать возможности, заложенные в драматургическом материале, где пафос и сатира наивного старого сюжета требовали красок резких, плакатных. Хотелось бы пожелать большей взволнованности спектаклю «В списках не значился». Его немалое эмоционально-смысловое воздействие достигается пока больше постановочными средствами, усилиями режиссера А. Попова и художника С. Шапловского и лишь в небольшой степени — актерскими работами.

Актерский ансамбль стал ровнее — это заметно. Ветераны театра Ж. Хрулева, И. Роот, А. Ерин, А. Ушаков играют вместе со своими более молодыми партнерами на равных — спокойный, серьезный разговор со зрителем предлагает неприменную ансамблевость.

Приглашением к размышлениям о жизни, взятой в элементарных категориях нравственности, стали «Весенние перевертыши», поставленные А. Ериным, и особенно две постановки Ю. Копылова. «Ромео, Джульетта и тьма» и «Нежданные гости» — спектакли поэтические и одновременно театрально-условные — обращаются в первую очередь к разуму юного зрителя. Что ж, юношеско-молодежному театру такая определенность нравственных оценок очень даже к лицу.

К мысли о торжестве человеческого в человеке самым парадоксальным образом подводит гоголевская «Женитьба», поставленная Я. Цейтлиным в остро гротесковой манере: неожиданно именно Подколесин (его интересно играет В. Грищенко) оказывается единственным носителем остаточной человечности в мире, где даже малые ее дозы никак не приемлемы. Думаю, что у «Женитьбы» при всей оригинальности и звучности ее сценического решения точек соприкосновения со зрителем все же меньше, чем у «Орфея», «Ромео, Джульетты и тьмы» или «Весенних перевертышей». Там был диалог сцены и зала, здесь пока — монолог.

В лучших спектаклях явно звучит голос театра. Голос этот окреп, стал более гибким, чем в прежние годы. В равной мере в нем слышатся и металл, и проникающая одухотворенность. Хочется лишь пожелать, чтобы голос этот звучал всегда в полную силу. При очевидных сложностях своей необычной и трудной судьбы Красноярский театр имени Ленинского комсомола по-прежнему наступателен. Именно это и определило его жизнеспособность. Остается — искать...

Евгений АБ.